

VIII ИГНАТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1 апреля 2008 г. в административном и культурном центре горных мари г. Козьмодемьянске прошли VIII Игнатъевские чтения — ежегодная республиканская научно-практическая конференция по проблемам горномарийского языка, литературы, истории, культуры и образования.

В 10 секциях было представлено 70 докладов, 30 из них (в трех секциях и на пленарном заседании) посвящены проблемам горномарийского языка и литературы.

Л. П. Васикова в докладе «Трагическое в смехе Н. Игнатъева» подчеркнула, что Н. Игнатъев как знаток горномарийского слога велик простотой своего слова. Небольшой по объему роман «Савик» начинается редким по красоте описанием утра: *Анжаш гъйнъ, молнамшы шййжй ироквлä гйц тидбй изишät ак айырлы* 'На первый взгляд это утро ничем не отличается от всякого другого осеннего утра'. Любое предложение, будь оно простым или сложным, может служить образцом построения горномарийской речи. В это утро поп Сергей пришел в деревню воровать (собирать ругу, пока в деревне нет народа). И описывается это соответствующим образом — языком упреков, неверия, ругани. Далее — Савик в церкви, в народе, с народом; поругание, издевательство над попами, религией. Н. Игнатъев, порождение своего времени, насмехается над всем святым. Сейчас это воспринимается как нечто примитивное, кощунственное.

В докладе А. Н. Куклина «Онимическое пространство произведений Н. В. Игнатъева» рассматриваются способы именная наречия персонажей. Имена реальных лиц и вымышленных персонажей включаются в художественные тексты в народно-разговорной форме с учетом таких параметров, как актуализация информативности в соответствии с задачами повествования, создание композиционной спаянности текста. Имя главного героя фигурирует обычно как текстобразующий центр, а имена других

лиц — как фоновые, будучи факультативными. Чиновники дореволюционной России и священники для Н. В. Игнатъева не только объекты презрения и насмешек, но и эксплуататоры крестьян, присваивающие плоды крестьянского труда. Их фамилии, созданные на базе отдельных лексем или целых выражений, имеют уничижительный, иронический оттенок, например, *Сморкалов* (сопливый), *Небей-меняткин* (не бей меня). В произведениях Н. В. Игнатъева встречаются антропонимы, образованные по марийской модели именнаяречения: в препозиции стоит имя отца, за ним следует имя сына или дочери, например: *Михäлän Михäлй* (повесть «Тошты кола»), *Степан Хөдөр*, *Кузьман Петр* (юмористический рассказ «Радио масак»), *Хөдөр Вера* (рассказ «Шутя»); *Васлин Павыл* (сатирическое обозрение «Тум кестен»).

Г. И. Лаврентьев в докладе «Марийские композиты в наследии Ю. В. Андуганова» подверг резкой критике многие положения его книги «Мут але мут сочетаний? Туныктышылан польш» (Слово или словосочетание? Пособие для учителя, 1985), переработанный и дополненный вариант его кандидатской работы о сложных словах (1977). Докладчик опроверг «новое учение» Ю. В. Андуганова, согласно которому *пашавургем* 'рабочая одежда', *пупёрт* 'деревянный дом' и др. (существительное + существительное), *шудысолымаш* 'сенокос', *мйкшончышо* 'пчеловод' (существительное в винительном падеже с нулевым окончанием + отглагольное существительное или причастие), *кечылекмаш* 'восход (солнца)', *вйдташлымаш* 'разлив (воды)' (существительное в именительном падеже + отглагольное существительное), *вускытага* 'кастрированный баран', *туракорно* 'прямая дорога' (прилагательное + существительное), *малыммешак* 'спальный мешок', *ашнымеэрге* 'приемный сын' (причастие + существительное), *шалаумша* 'болтун', *чаракля* 'бедный' (прилагательное + существительное) и другие являются композитами. Этим было положено начало сов-

ременной луговомарийской орфографической анархии. Приведенные примеры — не композиты, как пишет Ю. В. Андуганов, а свободные словосочетания.

Вопросы стилистики горномарийского языка обсуждались Н. М. Красновой, А. В. Илларионовым и др.

Н. М. Краснова в сообщении «Эмоционально-экспрессивная окрашенность поэтических произведений Н. В. Игнатъева», используя метод моделирования текстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых слов, проанализировала десятую песню поэмы «Тумер» Н. В. Игнатъева. Тема песни и ее ключевой концепт заданы начальной строкой первой строфы *Кого вѣд гань жепет эртӓ*. Поэма имеет радиальный тип ассоциативно-смыслового развертывания, при котором на одно слово-стимул автор дает разные слова реакции. Первичные ключевые слова-реакции *шӓжвѣк юкет* 'соловьиная песня', *курум* 'вечность' являются ремами, которые уточняются и дополняются опорными словами *тагачшыжы* 'сегодняшнее', *кечӓй* 'солнце, день', *чӓсет* 'часы'. Текстовые ассоциаты-реакции на ключевое слово рождают определенные микросмыслы. В анализируемой песне Н. М. Краснова определила это как время, которое, словно река, безвозвратно уносится и течение которого невозможно остановить. Трагическая участь человека в невозможности остановить течение времени раскрывается Н. В. Игнатъевым с помощью ряда выразительных и стилистических средств. Эпитет (*йолга лыпи*), сравнения (*Тӓнят, тӓнгем, лыпила йлет; Аравала курум сӓрнӓ*) усиливают чувство тоски по уходящему времени и подчеркивают душевные переживания лирического героя. В анализируемом отрывке есть и индивидуально-авторская номинация: время называется Н. В. Игнатъевым *шӓжвѣк юкет* 'соловьиная песня'.

А. В. Илларионов в своем выступлении «Экспрессивность звукоподражательных слов горномарийского языка» отметил, что все звукоподражательные слова горномарийского языка наделены экспрессивностью, так как в их значениях присутствуют такие ее компоненты, как интенсивность, эмоциональная оценка и об-

разность. Если последняя выступает как связующий компонент, то интенсивность и оценочность проявляются в разных ситуациях и контекстах либо слабо, либо, наоборот, очень ярко. Звукоподражания при описании процесса говорения часто употребляются в переносном значении. Для выражения эмоциональной оценки онома топы, подражающие звукам различных явлений, действий, предметов, переносятся на процесс говорения человека. Например, *ӓнгӓр льорге йога* 'река течет быстро, с шумом', в переносном значении *льоргаши* 'говорить быстро, тараторить'. В данном случае это пейоративная оценка, неодобрение. Эмоциональная оценка в звукоподражаниях усиливается в тех случаях, если она означает процесс говорения человека. Относительно же других действий человека, животных, неодушевленных предметов на первый план выступает экспрессивная сема — интенсивность.

Ряд выступлений был посвящен проблемам горномарийской фразеологии.

В докладе И. А. Бердинской «Экспрессивно-стилистическая окраска фразеологизмов» установлено, что основная масса фразеологизмов в романе Н. В. Игнатъева «Вурс мардеж» употребляется в нейтральном стиле: *ӓшӓйш вазаши* 'вспоминаться, приходить на ум (память)', *арвӓтӓй кӓнгӓйж* 'бабье лето' и т. д. Подобные фразеологические единицы не имеют выраженной окраски и могут употребляться в любой ситуации. Большая часть фразеологизмов относится к разговорной речи и просторечию: *ялаши пындашки йштӓй вӓд пырен* 'пока жареный петух не клюнет; опомниться', *кок парня важло гӓйц парням анжыкташи* 'показать фигу с маслом (выражение категорического отказа)' и т. д. Книжные фразеологизмы обычно придают речи оттенок приподнятости и торжественности и составляют немногочисленную группу: *вӓрдон мышкаш* '1) искупать, искупить ценой своей жизни; 2) избавляться, освобождаться, освободиться от чего-л. позорящего кого-л.', *пӓжвӓдӓйш йӓйш* 'наживаться за счет других, эксплуатировать кого-л.' и т. п.

В докладе А. Н. Симолкиной «Фразеологизмы и их русские эквиваленты

в произведениях М. Кудряшова» шла речь о том, что в своем творчестве писатель использует достаточно много фразеологизмов, разнообразных по структуре и значению. Фразеологические единицы-словосочетания: *вуйым ямдаш* 'сильно влюбиться', *вуйым сәкәш* 'повесить голову', *пәйләшәм шагалташ* 'навести уши'; фразеологические единицы-предложения: *йәнг йыла* 'душа болит', *шылдыр вала* 'крылья опускаются', *вәйр мадеш* 'кровь играет'; фразеологические единицы — знаменательные слова: *нерән* 'упрямый'. Фразеологизмы вступают друг с другом в разные смысловые отношения. Фразеологизмы-омонимы: *вуйым ямдаш*¹ 'погибнуть, быть убитым' — *вуйым ямдаш*² 'сильно влюбиться'; *йәнг йыла*¹ 'завидно' — *йәнг йыла*² 'тяжело на душе от переживаний'; фразеологизмы-синонимы: *йәнг пәдештеш* 'душа разрывается' — *йәнг йыла* 'душа болит', *кидәм колтен шәйнәшә* 'сидеть сложа руки, бездельничать' — *караквләм шотлаш* 'ворон считать, бездельничать'.

Т. П. Рыжкова в докладе «Семантические группы фразеологизмов в произведениях Н. Илькова» проанализировала более ста фразеологизмов в его романе «Эдемвлә дә ивлә». Их можно распределить на следующие типы: 1) идиомы — словосочетания, общий смысл которых не зависит от образующих их слов (*кок тәйрән кәзәй* 'двуличный кто-либо', *кид ләйәлнәй (лиш)* 'рядом (быть, находиться)'); 2) фразеологические единства, смысл которых в большей или меньшей степени мотивирован значениями слов (*вуйдымы пармы* 'необразованный, глуповатый человек', *әшкәймәм кычаш* 'владеть собой'); 3) фразеологические сочетания, смысл которых вытекает из значений отдельных слов, сохраняющих при этом свое значение (*вәйр шолеш* 'кровь кипит', *сәйнәм кәрен* 'с удивлением', *ваштыр гань юраш* 'льет как из ведра (о дожде)'); 4) фразеологические выражения — пословицы и поговорки, крылатые слова, фразеологические кальки (*вәйд донат ат айыры* 'водой не разольешь', *йәлән цәвәйжәт комбы гань* 'чужая курица гусем кажется').

А. А. Утятин и студенты И. Емельянова, Р. Тюленев, А. Шаронов рассказа-

ли о проблемах и значении диалектологических экспедиций.

В своем выступлении «Фонетические особенности шарангского говора» А. А. Утятин говорил о том, что основными отличиями диалектов являются фонетические. По мнению лингвистов, вокализм шарангского говора имеет следующий состав: *a, ä, i, e, u, ü, o, ö, ə, ɨ, ʉ*, среди гласных есть сходные с таковыми в горном наречии (*ä, ə*), но есть и фонемы, отсутствующие в нем (*ɨ, ʉ*), но наличествующие в яранском, тоншаевском, некоторых говорах лугового и восточного наречий. По мнению тех же ученых, в речи шарангских мари фонема *ɨ* употребляется в тех случаях, когда в горном наречии на ее месте стоит *ə*, а в луговом — *ɨ*. Фонема же *ʉ*, в шарангском говоре встречается в той же позиции, в которой в горном наречии находится *ə*, а в луговом — *ɨ*. Однако слуховой анализ речи носителей говора показывает, что вместо *ɨ* и *ʉ* они произносят соответственно редуцированные *ə* и *ə*, т. е. шарангские мари говорят *kə-mət* вместо *kɨ-müt* 'три', *kə-rska* вместо *kɨ-rska* 'дядя', *kə-zə* вместо *kɨ-zə* 'нож' и т. д. Одной из отличительных особенностей вокализма рассматриваемого говора является аканье, распространенное также в горном наречии, яранском и тоншаевском говорах северо-западного наречия, например: шар., горн., яр., тонш. *ja-baš* — луг. *jo-baš* 'спросить'. Для уточнения состава гласных фонем шарангского говора необходим экспериментальный анализ. Если он подтвердит отсутствие фонем *ɨ* и *ʉ* в говоре, то состав гласных фонем шарангского говора окажется таким же, как и состав гласных горномарийского языка.

В выступлении Л. Денисовой рассматривалась структура простых односоставных предложений в горномарийском языке.

Л. П. ВАСИКОВА (Йошкар-Ола)

Address:
Lidija Vasikova
Mari State University
E-mail: vasikova@marsu.ru